
ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО
АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА:
НА ПУТИ
К «КРАСНОМУ КОЛЕСУ»

Материалы Международной научной конференции
Москва, 7–9 декабря 2011 года

Жизнь и творчество Александра Солженицына:
на пути к «Красному Колесу»: сборник статей / сост.
Л.И. Сараскина. М. : Русский путь, 2013. С. 462–473

Москва
РУССКИЙ ПУТЬ
2013

Александр Урманов

Благовещенск

«САРАНЧА ИЗ БЕЗДНЫ...»
(БИБЛЕЙСКАЯ СИМВОЛИКА В «КРАСНОМ КОЛЕСЕ»)

Солженицын-публицист не раз высказывал мысль, что события 1917 года выходят за пределы социальной и национальной проблематики, что они имеют не только конкретно-исторический, но и универсальный смысл. В «Размышлениях над Февральской революцией» (1980–1983) он писал: «Эт о должно было грянуть над всем обезбожившим человечеством. Эт о имело всепланетный смысл, если не космический»¹. В статье «Черты двух революций» (1984) мысль получила развитие: «Приоткрывает нам большая революция и такие глубины бытия, которые сомнительно назвать просто физическими»².

Художественное воплощение эти представления нашли в эпопее «Красное Колесо», автор которой строит повествование таким образом, чтобы события русской истории представляли не только в своём обыденном эмпирическом течении, но и как глобальное космическое противоборство Добра и Зла. Функция важнейших символических образов как раз и состоит в том, чтобы проявить этот вневременной онтологический конфликт в конкретных событиях русской истории, в судьбах отдельных людей и страны в целом. Особенно важную роль в решении этой задачи играют образы-символы, имеющие библейское происхождение: *бездна, вавилонская башня, жертва, ковчег, крест, меч* и др.³ По мере раскручивания революционного *красного колеса* одни из них уходят в тень или вовсе исчезают, другие, напротив, начинают играть всё более значимую роль. Так, в «Марте...» и «Апреле Семнадцатого» — Третьем и Четвёртом Узлах эпопеи — усиливается роль и удельный вес образов-символов с *эсхатологической* и *апокалиптической* семантикой.

Одним из таких образов, значение и само присутствие которых ощутимо возрастают в финальной части произведения, является *саранча*. Как известно, саранча — это «насекомое отряда прямокрылых, похожее на кузнечика, перелетающее огромными массами и уничтожающее растительность и посевы, опасный вредитель сельского хозяйства»⁴. Однако в «Красном Колесе» слово «саранча» ни разу не используется в прямом значении. Во всех без исключения случаях (четыренадцать словоупотреблений в семи сюжетных ситуациях) оно даётся в переносном смысле и несёт, как правило, символическую нагрузку.

Что касается распределения по Узлам, то тенденция здесь вполне очевидная: в Первом Узле упоминаний о саранче нет вовсе, на двухтомный Второй приходится два эпизода, на четырёхтомный Третий — один, а в двухтомном Четвёртом их больше, чем во всех предыдущих, — четыре. Судя даже по одному этому, мнение об «атрофии символического» в Четвёртом Узле⁵ следует признать, как минимум, спорным. Тем более что подобную закономерность можно увидеть и на примере некоторых других символических образов, имеющих библейские или мифологические корни: *бездна*, *Ахеронт*, *жертва* и др. Сама эта концентрация образа-символа саранчи в финальной части драматически развёртывающегося исторического сюжета эпопеи позволяет увидеть некую закономерность, даёт возможность судить о динамике и направленности воссоздаваемых Солженицыным революционных событий, о том, какие изменения происходят в сознании и поведении огромных людских масс, вовлечённых в февральскую смуту.

Символические образы «Красного Колеса» — это преимущественно образы, которые включены в структуру сюжета, как выразился Лотман, «уже будучи отягчены предшествующей социально-культурной и литературной семиотикой»⁶. Образ *саранчи* «отягчён» памятью о предшествующих культурных текстах и контекстах весьма существенно. Словарные статьи о саранче включены во все энциклопедии библейской символики, и в этом нет ничего удивительного: «Разрушения, причинённые этими насекомыми, делают их очень подходящим символом для описания опустошения, производимого грехом, тьмой демонов или судом над грехом»⁷. Саранча, трактуемая чаще всего как наказание Божье, многократно упоминается в Священном Писании: в Исходе (10: 1–20), Второзаконии (28: 38), Псалтири (77: 46), Книге пророка Иоиля (2: 2–10), Откровении Иоанна Богослова (9: 7–10) и других книгах Ветхого и Нового Завета. В некоторых библейских сюжетах саранча предстаёт как исчадие ада. Так, в Апокалипсисе говорится о нашествии саранчи, царём которой был Аваддон (Откр. 9: 3).

Использование в эпопее Солженицына символических образов библейского происхождения обусловлено не только христианским мировоззрением автора, но и прежде всего художественными задачами, которые он решает: например, стремлением достоверно отразить структуру сознания, сам тип и живую конкретику мышления героев, сформировавшихся и действующих в системе определённых культурных и социально-исторических координат. Но главное — библейская символика участвует в решении идейно-смысловых, концептуальных, в том числе историософских, задач.

Первые упоминания о саранче в «повествованьё в отмеренных сроках» появляются лишь в конце двухтомного «Октября Шестнадцатого» (главы 60 и 68), и этому есть объяснение. Образ, символизирующий опустошительное нашествие, которое воспринимается как наказание Божье или как происки сатаны, исторически и психологически более органичен во временном контек-

сте кануна Февральской революции, а не августа 1914 года. Октябрь 1916-го находится в непосредственной близости от того момента, когда Петроград, а затем и вся Россия испытали нечто подобное нашествию саранчи — то есть бедствие не менее разрушительное по последствиям.

Конечно, далеко не все герои Второго Узла догадываются о том, что ожидает страну в ближайшем будущем, однако среди них есть и те, кто наделён повышенной чувствительностью к тайным знакам, способностью «не останавливаться на наглядной поверхности вещей, но проникать в их мистический смысл и узнавать действия тайных сил»⁸. Включение в образную систему произведения персонажей с таким типом мироощущения и миропонимания позволяет автору в явлениях конкретно-исторических обнаруживать, проявлять онтологический подтекст.

Подобный *двунаправленный* взгляд на действительность присущ невестке Захара Томчака Ирине, которая верила, что «силы потусторонние таинственно действуют рядом с нами» (7; 76). Ирина — первый из персонажей эпопеи, кому открывается апокалипсическое по характеру видение — нашествие на Россию бесчисленных захватчиков, уподобленных библейской саранче. Эта внушающая мистический ужас картина представляется ей, когда октябрьской ночью 1916 года с балкона дома Томчаков она наблюдает за тем, как в степи горят костры. И хотя героиня знает, что в этих кострах сжигают бодылья подсолнуха на поташ, ей привиделось вдруг, «будто это стали на ночлег несчётные кочевники, саранчой идущие на Русь» (10; 283). Всего лишь через четыре месяца казавшееся фантастическим предчувствие сбудется, только в роли опустошающей Россию саранчи выступят не пришедшие извне захватчики, а разрушители, вызревшие внутри страны.

Догадываются, ощущают, что происходящее вокруг каким-то непостижимым образом связано с глобальными космическими процессами, и некоторые другие персонажи: императрица Александра Фёдоровна, философ Варсонофьев, полковник Смысловский, генерал Нечволодов.

Кстати, именно Александр Дмитриевич Нечволодов в октябре 1916 года приходит к мысли, что Россия уже во власти саранчи. А саранчой генералу видится большая часть интеллигенции, почти всё «образованное общество», без борьбы капитулировавшее перед левой идеологией, променявшее подлинные национальные и духовные ценности на социальную демагогию, на голый рационализм и атеизм. Свои взгляды Нечволодов излагает в разговоре с Воротынцевым на знаковом для художественного пространства «Красного Колеса» месте — на могиловском Валу (то есть там, где окажется Георгий в последней главе эпопеи): «Мы в катастрофе оттого, что уже завоёваны левым духом! <...> Отрицатели всех русских начал, орда революционная, саранча из бездны! — ругательствуют, богохульствуют — и никто не смеет им возражать. <...> Россией по внешности управляет ещё как будто Государь. А на самом деле давно уже — левая саранча» (10; 435–436).

Собеседник Воротынцева воспринимает происходящее в России как процесс не только земной, исторический. Говоря о разрушителях России, он прямо указывает, откуда они — «саранча из бездны». Иными словами, по его представлению, центр управления русской революцией находится в аду: «Как будто в какой бездне кто-то взвился <...> и спешит столкнуть Россию в пропасть. Появилась кучка пляшущих, рожистых бесов — и взбаламутила всю Россию. Тут есть какой-то мировой процесс. Это — не просто политический поворот, это — космическое завихрение. Эта нечисть, может быть, только начинается с России, а наслана — на весь мир?» (10; 436). Иначе говоря, в восприятии Нечволодова левая, революционная *саранча* — это воинство сатаны, им посланное из бездны, им управляемое.

И хотя Георгий, важнейший солженицынский герой-рыцарь, возражает собеседнику, не желая соглашаться с тем, что бой за Россию, даже не начавшись, уже проигран, автору, похоже, во многом близки взгляды генерала Нечволодова. В ряде публицистических работ и интервью, посвящённых Февралю и развивающих идеи «Красного Колеса», он высказывал нечто подобное о ситуации в стране накануне потрясений 1917 года: о властном давлении на общественное сознание революционной парадигмы, о том, что почти вся печать, большинство политических партий готовили будущее крушение России.

Наверняка близки были Солженицыну и высказывания Нечволодова о том, что здоровая часть российского общества оказалась неспособна противостоять *левой саранче*. Причины, по которым «у самых надёжных защитников» России «падает сердце, падают руки», для генерала не вполне ясны, о чём свидетельствует его вопрос, оставшийся без ответа: «Отчего же мы костенеем перед саранчой?» (10; 437). Степень важности для автора «Красного Колеса» этого вопроса настолько высока, что он дублирует его — выносит в оглавление, в тезисное, концентрированное изложение основного содержания главы 68: «Отчего костенеем перед саранчой?» (10; 588). Такая целенаправленная актуализация библейского по происхождению символа помогает автору включить описываемые события русской революции в глобальный исторический и метаисторический контекст. Совершенно очевидно, что вынесенным в оглавление вопросом задаётся не только персонаж «Октября Шестнадцатого», но и сам автор эпопеи. Понять причины интеллектуальной и моральной несостоятельности, помешавшей консервативным силам действительно противостоять *левой саранче*, — значит понять явную и скрытую механику революционного катаклизма, сотрясшего в начале XX столетия Россию. В определённом смысле «Март...» и «Апрель Семнадцатого» представляют собой развёрнутый ответ на вопрос Нечволодова.

В этих Узлах, как бы в подтверждение слов генерала, у немалого числа персонажей, не принимавших революцию, остро ощущавших несправедливость и катастрофичность происходящего, словно парализована воля и утрачена

способность сопротивляться. В главе 589 «Марта Семнадцатого» возвращающийся на фронт Ярослав Харитонов в вагоне слышит оскорбительные измышления об императорской семье, но не решается вмешаться: «Нет, сломилось, повернулось что-то выше — и ничего не мог сделать поручик Харитонов, а только внутренне возражать» (14; 292). Отважный офицер, верный, как ему казалось, кодексу чести, не в состоянии не только пресечь разнузданное публичное поношение бывшей императрицы, не только поставить на место «развязных солдат», старающихся унижить его самого и его соседей по купе, но даже объяснить причину собственной слабости: «Это было безсилие, какое может опеленать во сне, когда хочешь защититься, ударить — и не можешь» (14; 244). Не находя простого ответа на вопрос о внезапно поразившей его слабости, Ярослав объясняет происходящее воздействием каких-то могущественных колдовских чар: «Над их вагоном, над их поездом, надо всеми железными дорогами, надо всей Россией была как будто кем-то прочтена разрешительная противомолитва — не от грехов, но ко грехам, отпущенье делать худое и запрет защищаться» (там же). И мудрец Варсонофьев, видящий вещие сны, догадывающийся о тайных пружинах русской революции и в то же время бессильный что-либо изменить, воспринимает происходящее в России как проявление неотвратимых глобальных процессов, в том числе и тех, что лежат за гранью человеческого понимания: «О! сколько было сил непознанных! В каком-то непостижимом объёме совершалось нечто великое — и может быть только слабым отображением были те завихрения на улицах русских городов в последние недели» (14; 561).

Обращает на себя внимание, что Нечволодов и Варсонофьев, два столь несхожих персонажа, для характеристики февральских событий используют одно и то же слово — «завихрения», причём оба считают эти *завихрения* частью глобальных космических процессов. И именно *левая саранча* в преддверии и в самом начале Февральской революции, по их мнению, становится основной движущей силой этих *завихрений*.

Для того чтобы полнее представить позицию автора по вопросу о причинах февральской катастрофы, необходимо вернуться к спору Воротынцева с Нечволодовым. В чём Солженицын скорее на стороне полковника, так это в оценках императора и его окружения, всей назначаемой и взращиваемой им властной элиты: министров, глав департаментов, командующих округами и фронтами, высших государственных сановников и т.д. Именно они вместе с «нев्यразительным венценосцем», по мнению Воротынцева, несут главную ответственность за положение дел в стране, именно их бездарные, некомпетентные действия или, чаще, трусливое бездействие плодят и усиливают *левую саранчу* и в конечном счёте приближают революционный взрыв. Автор «Красного Колеса» явно разделяет точку зрения героя, согласно которой национальный дух помутился не только в народе, но и «на самом верху»; вокруг трона почти сплошь «ничтожество на ничтожестве», «превосходительный

сброд, без совести, без разума, с одними шкурными интересами»; государство «невозможно укреплять вокруг пустоты» (10; 439–443). Без этих высказываний мировоззренчески близкого автору героя понять объёмную историософскую концепцию эпопеи невозможно.

В «Марте Семнадцатого» образ саранчи предстаёт в весьма неожиданном сюжетном контексте. На этот раз его используют не близкие автору персонажи — для того, чтобы с помощью библейских ассоциаций выразить отношение к революции как к ужасному бедствию, наказанию Господню, а те, кто представляет авангард *левой саранчи*, к кому писатель испытывает откровенную неприязнь, — члены Исполнительного Комитета Петроградского Совета, чья коллективная точка зрения выражается в главе 385 Третьего Узла. Здесь функциональная роль образа принципиально иная: он служит преимущественно средством саморазоблачения персонажей.

Те самые социалисты из самозваного ИК, которые пришли к власти случайно, благодаря бунту запасных батальонов, демонстрируют подлинное своё отношение к серой солдатской массе, вознёсшей их из политического небытия на властный Олимп. Они ещё на словах перед этой массой заигрывают, надеясь в случае чего опереться на помощь её штыков, но в душе считают солдат чем-то вроде насекомых, не по праву претендующих на человеческие, общегражданские права.

Ситуация почти анекдотическая, но подлинная. 3 марта, решив наконец пустить в столице остановившиеся в дни бунта трамваи, члены ИК упёрлись в «самый острый вопрос: как быть с солдатами? Ведь теперь, пользуясь завоеваниями революции, они все попрут в трамваи, да не на задние площадки, а внутрь, наряду с обывателями, — но платить гривенник конечно не захотят <...>. И трамвай <...> будет служить не жителям, а возить только солдат — а их в гарнизоне полтораста тысяч, это саранча!» (13; 133–134).

Справедливо ли исполкомовская *левая саранча* именуется *саранчой* солдат Петроградского гарнизона? Наверное, справедливо. Расхристанная солдатня из бездумно размещённых в столице запасных батальонов участвует в погромах, в варварском уничтожении материальных и культурных ценностей. Вот только одна впечатляющая история — первомартовский погром в офицерском собрании Московского полка: «Толпа мстительных чужих дикарей не могла наделать хуже. Не было ни одного уцелевшего портрета или уцелевшей картины, все изрезаны и исколоты <...>. Хрустальные люстры побиты многими ударами каждая <...>. Вся мебель испорчена. <...> Духовые инструменты раздавлены <...>. Полковой музей смешали в кучу мусора, исторические полковые предметы, мундиры бородинского времени, — всё растащено. Библиотека — рассыпана в книжные груды на полу» (12; 364). И таких случаев, в которых солдаты действуют как библейская саранча, в Третьем Узле немало. Только не нужно забывать, что в «саранчу» многих солдат окончательно превратили (или, как минимум, узаконили их право быть «саранчой») именно

члены Исполнительного Комитета, 1 марта составившие безответственный «Приказ № 1», который покончил с принципом единоначалия и привёл многомиллионную армию к неуправляемости и развалу. Последствия не заставили себя ждать: железнодорожные станции, улицы российских городов заполнились «солдатской саранчой» — дезертирами и солдатами из разложившихся тыловых частей. На страницах двух последних Узлов постоянно мелькают «разнузданные солдаты» (15; 50), «шайки солдат» (15; 238).

Впервые появившись в Третьем Узле эпопеи, «солдатская саранча», множась, перекочёвывает и в Четвёртый. Теперь она хозяйничает не только в столице, но и в российской глубинке. В «Апреле Семнадцатого» выражение «солдатская саранча» использует донской писатель Фёдор Ковынёв, наблюдающий за тем, как «народоправство» утверждается на его родине. Донская «солдатская саранча» действует по примеру столичной: «<...> в Петрограде вон каких скovyрнули — а мы хуже? да если артельно, кучей навалимся!» (16; 49). По словам Ковынёва, руководствуясь этой нехитрой логикой, «солдатская саранча, затуманенная раздаваемыми *протолмациями*, двинулась и в глухие углы Дона — “сковыривать” и там» (там же). Сцен, в которых недавно ещё управляемые и вменяемые солдаты превращаются в самостийную *толпу*, в дикую *орду*, в ненасытную *саранчу*, в последних двух Узлах множество.

В Библии используется до десяти названий саранчи, в зависимости от вида. «Солдатская саранча» тоже лишь одна из разновидностей показанной в «Красном Колесе» революционной массы. В Четвёртом Узле появляется новая разновидность — спешащие, слетающиеся со всего света политические эмигранты, в том числе Ленин и Троцкий со сторонниками. Этот тип *саранчи* радикально-социалистической, более жизнестойкой и более агрессивной, призван потеснить, сменить *саранчу* либеральную, вялую, преимущественно кадетско-октябристскую, захватившую министерские кресла ею же созданного безвластного и бездеятельного Временного правительства. Противостояние тех и других в «Апреле Семнадцатого» показано именно как противостояние двух типов *пожирателей* России, двух типов революционной *саранчи*.

Занимающий пост министра иностранных дел Временного правительства Павел Николаевич Милюков ведёт тайную дипломатическую переписку с посольствами стран-союзниц, чтобы их руками задержать приезд в Россию нежелательных персон, в основном большевиков и эсеров. В главе 20 Четвёртого Узла, воссоздающей события 14 апреля, говорится, что Милюкова «пугало, как это весь революционный эмигрантский муравейник или даже саранча спешили все скорей переползать в Россию. Болтались-болтались по заграницам — а почему они теперь должны скорей хлынуть в Россию и сбивать её с пути? Было бы куда лучше и спокойней тут пока сорганизоваться без них» (15; 189–190). По мнению лидера кадетской партии, Ленин, Троцкий и их приспешники — это «какая-то совсем новая порода, она просто за пределами всяких человеческих

правил <...>» (15; 191). В контексте данной главы и всей эпопеи это звучит как «новая порода саранчи».

Опасаясь возвращения на родину более сильных и энергичных политических конкурентов и засыпая посольства союзников и собственные заграничные консульства секретными депешами с требованием всячески препятствовать спешащей в страну *эмигрантской саранче*, «<...> правительство, воздвигнутое революцией, никак не могло выставить прямого кордона революционерам и даже тень подозрения о том допустить» (15; 190). Поэтому тот же Милюков, считавший Троцкого и иже с ним чрезвычайно опасной «саранчой», на публике лицемерно «оправдывался, что никаких задержек нигде нет, а все ворота реэмигрантам распахнуты; что даны срочные распоряжения оказывать им самое благожелательное и предупредительное содействие, вне зависимости от их убеждений» (там же). И «особенно энергично» министр иностранных дел «протестовал против задержки группы Троцкого». Очень наглядный пример того, как *саранча либеральная*, «временная», в силу своей трусости и безответственности, сама готовит почву для того, чтобы Россия оказалась во власти *саранчи радикальной*.

Но, даже (предположим невероятное) объединившись, обе названные породы революционной *саранчи*, не очень, кстати, многочисленной в масштабах государства, вряд ли смогли бы нанести непоправимый, поистине катастрофический урон стране, если бы в России не появилась более массовая разновидность *саранчи*. Констатацию этого факта автор доверяет персонажу, к которому испытывает безусловную симпатию, — блестящему инженеру, в апреле 1917-го «товарищу министра промышленности-торговли», Петру Ободовскому, прототипом которого, как известно, был Пётр Акимович Пальчинский. Время этой констатации — тоже крайне важное обстоятельство, имеющее несомненную связь с историософской концепцией произведения. Об этой новой разновидности революционной *саранчи* говорится в последнем томе «Красного Колеса», после того как читателю последовательно были представлены все другие выведенные в исторической эпопее виды: *левая, солдатская, эмигрантская*.

Мыслями об этой разновидности *саранчи* Пётр Акимович делится с женой в конце апреля 1917 года, вернувшись с заседания Комитета Труда. И хотя ему там постоянно приходится сталкиваться с «профессиональными социалистами», людьми в деловом отношении совершенно ничёмными, хотя он презирает этих идейных бездельников за «демагогию», они, по его разумению, не самая главная опасность для России. «— Самое страшное, Нуся, — говорит жене Ободовский, — даже не эти социалисты из Исполнительного Комитета. Они — саранча, да. Но за эти два месяца — и весь наш рабочий класс... И весь народ наш... показал себя тоже саранчой» (16; 124).

Мысль эта, что *саранчой* на определённом этапе революции проявил себя весь народ или, по крайней мере, значительная его часть, — важнейший кон-

цептуальный итог эпопеи. Для того чтобы высказывание Ободовского не показалось проходным, малозначительным, автор вновь, как это уже было в «Октябре Шестнадцатого», дублирует слова героя в оглавлении, раскрывая содержание главы 114 «Апреля Семнадцатого»: «Саранча, саранча...» (16; 782). Многогочие в данном случае призвано продемонстрировать широкую пространённость явления.

Вывод Ободовского не стал неожиданным, читатель к нему уже подготовлен. Хотя в первых двух томах Третьего Узла, воссоздающих начало революции, слово «саранча» отсутствует, заданная в финале «Октябре Шестнадцатого» парадигма опустошительного нашествия, производимого ненасытной и бесчисленной массой безликих множеств, буквально с первых страниц «Марта Семнадцатого» начинает обретать реальные, зримые черты.

Уместно сказать, что «Красное Колесо» в этом отношении концептуально перекликается с одним из первых громких художественно-публицистических откликов на Февраль — статьёй А. Ремизова «Слово о гибели Русской земли» (1917). Известный русский писатель, очевидец революционных событий, увидел вокруг себя не созидание, не движение страны в «светлое будущее», а омерзительное дьявольское пиршество: «Обнаглелые жадно с обезьяньим гиком и гоготом рвут на куски пирог, который когда-то испекла покойница Русь <...>. И рвут, и глотают, и давятся. <...> И норовят дочиста слопать всё до прихода гостей, до будущих хозяев, которые сядут на широкую русскую землю»⁹. Однако есть и различия в подходах. Главная художественная находка Ремизова — метафора Февраля как «пожирания». Его «Слово...» — это прежде всего обличение пожирателей России, рвущих её на куски, «обнаглелых» (речь, очевидно, о той же *левой саранче*). Автора же «Красного Колеса» интересуют в первую очередь причины превращения в прожорливую *саранчу* народа.

Детально реконструируя в Третьем и Четвёртом Узлах крушение российского самодержавия, стремительно перерастающее в обвал и разлом всей тысячелетней русской цивилизации, показывая революцию как катастрофу планетарного масштаба, Солженицын не упускает из внимания не только тех, кого его герой назвал «левой саранчой» (а Ремизов «обнаглелыми»), но и тех, кто в такие судьбоносные дни устремился вслед за этой *саранчой*, уподобился ей.

Автор эпопеи показывает, как тысячи и тысячи людей самозабвенно отдаются стихии разрушения, сливаются в толпы, сеющие хаос¹⁰. Улицы Петрограда заполняет огромная людская масса, одержимая стадным инстинктом. В изображении Солженицына она действительно часто напоминает библейскую саранчу, оставляющую после себя безжизненную пустыню.

Что заставляет людей сбиваться в огромные массы, растворяясь в них? В Книге Притчей Соломоновых сказано: «...у саранчи нет царя, но выступает вся она стройно...» (Притч. 30: 27). Стройность в данном контексте означает единство, целостность, согласованность. Эта согласованность возможна,

если составляющие огромную массу частички имеют одно и то же устремление, обычно элементарное, биологическое. Понятно, что основное устремление несметных масс реальной саранчи — утолить голод, насытиться. А какая всепоглощающая страсть заставляет в марте 1917-го сбиваться в огромные толпы жителей столицы? Или, быть может, их ведут высокие устремления? Непохоже, ведь революционная толпа, как и саранча, оставляет после себя отнюдь не колоссящую ниву и не благоухающие сады.

Уличная *саранча* похода бьёт витрины и оконные стёкла, разоряет торговые лавки, громит и поджигает особняки, разбивает в щепки мебель, музыкальные инструменты, рвёт в клочья книги. И подобное происходит не только в столице, но буквально по всей стране, в том числе в самых отдалённых её уголках. Особенно много таких эпизодов в главах, имеющих жанровое обозначение *фрагменты* («Март Семнадцатого») или *фрагменты народоправства* («Апрель Семнадцатого») и представляющих собой короткие документальные зарисовки, подобие кадров кинохроники: «Все семь вёрст от имени Шереметьевой до Мценска усеяны обрывками французских книг, журналов, разорванных ковров, тканей, кожаной мебельной обивки <...>. От французской библиотеки, занимавшей несколько комнат, — на месте одни разорванные листы. Пять роялей и пианино разбиты вдребезги. Уничтожена картинная галерея, где были оригиналы итальянских мастеров, — изрезанные холсты, разбитые рамы. Битые зеркала» (16; 428–429).

Но, может быть, разрушительных инстинктов у тех, кто вливается в революционные толпы, изначально не было, может быть, вектор их губительного для России движения определяется исключительно направлением исторического ветра, то есть силой внешней? Может быть, их против воли вовлекает в своё гибельное кружение инерция революционного *красного колеса*?

Нет, эпопея Солженицына показывает другое: мгновенной метаморфозы тысяч и тысяч людей в алчную *саранчу* не было, необходимые внутренние качества, сама потребность и способность превращаться в подобие *саранчи* у многих сформировались задолго до Февраля. В Третьем и Четвёртом Узлах революционная толпа выплёскивает в едином порыве то, что уже имелось у составляющих её частичек, что постепенно накапливалось, требовало выхода и в конечном итоге заставило десятки, сотни тысяч людей во время февральских событий слиться в однородную массу, движимую общим устремлением. О похожей на саранчу толпе, превратившейся уже в самом начале петроградского бунта в главную движущую силу русской истории, 24 февраля размышляет всё тот же Ободовский: «Толпа! Странное особое существо, и человеческое и нечеловеческое, вся на ногах и с головами, но где каждая личность освобождена от обычной ответственности, а силой умножена на число толпящихся, однако и обезволена ими же» (11; 107).

Рисуемые в художественных и документальных главах «Марта...» и «Апреля Семнадцатого» картины дают основание для неутешительного вы-

вода: оказалось, что чуть ли не единственная сила, способная сдерживать зоологические наклонности огромного числа русских людей, находится не внутри, а вне их — имеются в виду государственные институты правопорядка и принуждения. Стоило поколебаться этим внешним скрепам, и дремлющие во многих наклонности вырываются на волю. Внутренних же ограничителей, которые удержали бы сотни тысяч русских людей от варварства, от безумного *пожирания* своей страны, не находится вовсе, или они оказываются слишком слабыми, чтобы оказать действенное сопротивление разрушительным наклонностям.

Что же превращает значительную часть жителей Петрограда, а затем и всей России в подобие саранчи, пожирающей собственную родину? Главная причина, по Солженицыну, кроется не во внешних обстоятельствах и воздействиях. Революция не столько растлевает русский народ, сколько обнажает, проявляет те нравственные, духовные изъяны, те деформации народного сознания, народной души, которые формировались в течение длительного времени.

Вывод, к которому писатель приходит в «Красном Колесе», неутешителен: национальный обморок, утрата национального сознания, духовное отступление, отказ от традиционных моральных ценностей. Всё это, вкуче с несостоятельностью императора и всего правящего класса, и привело страну к глобальной катастрофе.

В определённом смысле «Красное Колесо» — художественно-документальная история пережитого Россией тяжелейшего национального обморока, нравственного разложения, саморазрушения. Февраль 1917 года, воссозданный в книге Солженицына, показал, что у значительной части русских людей и общества в целом нет твёрдого духовно-нравственного основания, способного стать надёжной защитой от воздействия опасных социальных и духовных соблазнов, как нет государственно-правовых механизмов предотвращения или хотя бы нейтрализации последствий некомпетентных или безответственных действий властей.

Подводя итоги, можно заключить, что образ *саранчи* в исторической эпопее — это символ катастрофической по масштабам и последствиям духовной деградации российского «образованного общества» и в целом русского народа.

Примечания

¹ Солженицын А.И. Публицистика: В 3 т. Ярославль: Верхне-Волжское кн. изд-во, 1995. Т. 1. С. 502.

² Там же. С. 537.

³ Некоторые из них исследуются в работах П. Спиваковского, С. Шешуновой, Н. Щедриной.

⁴ Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1984. Т. 4. С. 29.

⁵ См.: *Нива Ж.* Поэма о «разброде добродетелей» // *Континент.* 1993. № 75. С. 287.

⁶ *Лотман Ю.М.* В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М.: Просвещение, 1988. С. 329.

⁷ *Оуэн С.* Словарь библейских символов / Пер. с англ. СПб.: Христианское общество «Библия для всех», 1997. С. 130.

⁸ *Солженицын А.И.* Красное Колесо: Повествование в отмеренных сроках // *Солженицын А.И.* Собр. соч.: В 30 т. М.: Время, 2007. Т. 10. С. 447. В дальнейшем цитируется это издание с указанием в скобках тома и страниц; сохранена авторская орфография и пунктуация.

⁹ *Ремизов А.М.* Слово о гибели Русской земли // *Наш современник.* 1990. № 10. С. 183–185.

¹⁰ Обстоятельный анализ мотивов поведения и психологии толпы как основного носителя разрушительного начала см. в кн.: *Гуськов В.В.* Кто раскрутил Красное Колесо? Система персонажей исторической эпопеи А.И. Солженицына «Красное Колесо». Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. С. 186–225.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя (<i>Л.И. Сараскина</i>)	5
--	---

ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Обращение Ю.С. Осипова к участникам конференции	9
Слово М.В. Сеславинского	11
Слово В.П. Лукина	13

ОТОБРАЖЕНИЕ И ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ В «КРАСНОМ КОЛЕСЕ»

<i>Алтынбаева Гульнара (Саратов)</i> Окололитературная среда начала XX века в «Красном Колесе» А.И. Солженицына	17
<i>Бальзамо Елена (Франция)</i> «...Выполнять свой долг. На своём месте»: личность и исторический процесс в «Красном Колесе»	28
<i>Воли Дэвид (США)</i> Искусство и история в «Красном Колесе» А.И. Солженицына	40
<i>Глушковский Пётр (Польша)</i> «Красное Колесо» с точки зрения историка	52
<i>Гуськов Вячеслав (Благовещенск)</i> Образ Руси уходящей в исторической эпопее А.И. Солженицына «Красное Колесо»	60
<i>Климов Алексей (США)</i> Колебания вектора истории в «Красном Колесе»	72
<i>Махони Дэниел (США)</i> «Зацариться»: Николай II и грядущая революция	80

<i>Шепель Алексей (Санкт-Петербург)</i>	
Роман А.И. Солженицына «Август Четырнадцатого»: работа писателя с военно-историческими материалами	92
<i>Щедрина Нэлли (Москва)</i>	
«Красное Колесо» А. Солженицына и русская историческая проза второй половины XX века	100
<i>Юозайтис Арвидас (Литва)</i>	
Реформатор П.А. Столыпин и консерватор А.И. Солженицын: точки исторического соприкосновения	112
ФИЛОСОФСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ	
<i>Гапоненков Алексей (Саратов)</i>	
Истинный и ложный консерватизм в «Красном Колесе» А.И. Солженицына	121
<i>Герасимова Людмила (Саратов)</i>	
Пневматология как свойство реализма А.И. Солженицына в «Красном Колесе»	132
<i>Джайтли Изабелла (Индия)</i>	
«О сопротивлении злу силою»: отражение идеи Ивана Ильина в «Красном Колесе»	141
<i>Перселл Брендан (Австралия)</i>	
Некоторые размышления о философской и теологической историографии в «Красном Колесе» Александра Солженицына	151
<i>Пивоваров Борис (Новосибирск)</i>	
Богоборчество как движущая сила революции: ответ «Красного Колеса»	169
<i>Понтузо Джеймс (США)</i>	
Феноменология религии в «Красном Колесе» Солженицына	185
<i>Проскураина Елена (Новосибирск)</i>	
Солженицын в восприятии Александра Шмемана	192
<i>Смыковская Татьяна (Благовещенск)</i>	
Духовное крушение или «найти Святого Духа»? (Пасхальные мотивы в «Красном Колесе»)	205
<i>Хутен Джессика (США)</i>	
Напоминание об истине Божией в «Красном Колесе»	216
<i>Эриксон Эдвард, мл. (США)</i>	
«Ничего нет выше любви»: религиозная составляющая «Октябрья Шестнадцатого»	223

«КРАСНОЕ КОЛЕСО»
И ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАДИЦИЯ

<i>Бочаров Сергей (Москва)</i> Россия и революция: от Тютчева к «Красному Колесу»	235
<i>Вахтель Эндрю (США)</i> Раздвигая границы пространства и времени: Андрич, Солженицын и проблема историзма	241
<i>Иванова Евгения (Москва)</i> «Последние дни императорской власти» А. Блока как комментарий к «Красному Колесу»	255
<i>Кибальник Сергей (Санкт-Петербург)</i> Г.И. Газданов и А.И. Солженицын	263
<i>Котельников Владимир (Санкт-Петербург)</i> Картина человека в «Красном Колесе»	267
<i>Сараскина Людмила (Москва)</i> В.В. Набоков и А.И. Солженицын в пространстве Больших Идей	276
<i>Спиваковский Павел (Москва)</i> Проблема релятивизма: Солженицын, Чехов, Достоевский и поиск истины	287
<i>Тюрина Галина (Москва)</i> Тема Москвы в «Красном Колесе»	294

ТВОРЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

<i>Вакамия Лиза Риоко (США)</i> «Дневник Р-17» и «Красное Колесо»: диалог автобиографии, литературы и историографии	305
<i>Ковтун Наталья (Красноярск)</i> Идея «сбережения народа» в ранних текстах А. Солженицына	313
<i>Лесур Франсуаза (Франция)</i> «Люби революцию»: пролог к «Красному Колесу»	328
<i>Роднянская Ирина (Москва)</i> Лирико-патетическое начало в «Архипелаге ГУЛАГ» (К сравнению задач двух эпопей Александра Солженицына)	337
<i>Сидор Моника (Польша)</i> Личность, общество, коллективный герой: трансформации модели героя в ранних произведениях А. Солженицына	347

ПОЭТИКА «КРАСНОГО КОЛЕСА»

<i>Аркатова Анна (США)</i>	
Система ключевых женских образов в эпопее А. Солженицына «Красное Колесо»	359
<i>Баршт Константин (Санкт-Петербург)</i>	
О нарративной структуре «Красного Колеса» А.И. Солженицына	370
<i>Ванюков Александр (Саратов)</i>	
«Красное Колесо» А.И. Солженицына: поэтика заглавия и структура повествования (Узел II. «Октябрь Шестнадцатого»)	387
<i>Дюран Клод (Франция)</i>	
Некоторые заметки об использовании пословиц в литературе, в особенности в русской литературе, в частности в «Красном Колесе» Александра Солженицына	406
<i>Ивамото Кадзухиса (Япония)</i>	
Ленин и Солженицын: идентификация автора «Красного Колеса» с героем	427
<i>Мелентьева Ирина (Москва)</i>	
Свет и тьма восьмой главы «Августа Четырнадцатого»	437
<i>Солженицына Наталия (Москва)</i>	
Картотека «Красного Колеса»: замысел и осуществление	442
<i>Темпест Ричард (США)</i>	
Фермопилы Георгия Воротынцева: солженицынская концепция мужественности	452
<i>Урманов Александр (Благовещенск)</i>	
«Саранча из бездны...» (Библейская символика в «Красном Колесе»)	462
<i>Хитрая Анна (Москва)</i>	
Художественное слово как форма выражения историософских воззрений А.И. Солженицына	474
<i>Шмелев Алексей (Москва)</i>	
Лингвистические мотивы в творчестве Солженицына: на пути к «Красному Колесу»	481
СОЛЖЕНИЦЫН И СОВРЕМЕННОСТЬ	
<i>Гальцева Рената (Москва)</i>	
По дороге «Красного Колеса» в обратную сторону, или Борьба на два фронта	499

<i>Жэнь Гуансюань (Китай)</i>	
«Красное Колесо» А. Солженицына в Китае	513
<i>Шляпентох Дмитрий (США)</i>	
«Красное Колесо» Солженицына: между эмоциями и реальностью	518
<i>Сараскина Людмила (Москва)</i>	
Неизбежность очерка о П.А. Столыпине в «Красном Колесе»	
А.И. Солженицына	533

ЗАКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

<i>Струве Никита (Франция)</i>	
Том за томом: заметки первоиздателя «Красного Колеса»	549